ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

№ 79. Ноябрь, 1826.

НОВГОРОДСКІЯ ПИСЬМА

(къ К. Я. Б.....у.)

Письмо I-е.

Дорога и пріѣздъ въ Новгородъ.

Мая 17, — 1826.

Вѣрно, любезный другъ, ты не полагалъ, что это письмо придетъ къ тебѣ изъ великаго Новгорода; но вспомни старую пословицу, переданную намъ умными предками: *человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ;* такъ случилось теперь и со мною: думая, что проведу лѣто въ столицѣ, я получилъ неожидаемое предписаніе отправиться въ Новгородъ, и тѣмъ представился

мнѣ удобный и пріятный случай посѣтить почтенный памятникъ Русской старины, сей основный камень славы и могущества обширной Россіи.

Я выѣхалъ изъ Петербурга пятьнадцатаго Мая, и въ три часа по полудни былъ уже́ за Московскою заставою; подорожная прописана, и рѣзвая тройка двинулась; бряканье колокольчика слилось съ звонкими пѣснями веселаго ямщика, и моя тряская телѣжка быстро покатилась по гладкой дорогѣ. Ни кочекъ, ни выбоинъ; версты скоро смѣнялись одна другою, и шумный Петербургъ оставался все далѣе и далѣе. *До свиданія*, вскричалъ я исчезавшей мало по-малу столицѣ, и предался разсматриванію встрѣчныхъ предметовъ. Никогда по сей дорогѣ не былъ я далѣе Пулковой горы: все было для меня ново, а всякая новость, по врожденному свойству человѣка, для него зани-

машельна. Я не видѣлъ какъ летѣло время; миновалъ Чесму, Пулково, Царское село; любовался невольно чистотою и опрятностью придорожныхъ колоній и непримѣтно очутился въ Ижорѣ. Рубль, данный на водку везшему меня ямщику, былъ завидною приманкою для смѣнявшаго его товарища:—продажное усердіе не замедлило явиться къ моимъ услугамъ, и черезъ пять минутъ я уже былъ на пути къ Тоснѣ. Здѣсь то же самое: приманчивое серебро заставляло всякаго мнѣ услуживать, и я, засыпанный купленными за деньги похвалами, во всю дорогу не видѣлъ какъ пролетало время. Не буду заниматься описываніемъ тѣхъ предметовъ, которые встрѣчалъ на пути: я едва успѣвалъ замѣчать ихъ, такъ скоро неслись добрые кони. Ни одна станція меня не задержала. Я ѣхалъ съ веселымъ расположеніемъ духа, и вчера поутру безъ отдыха

прикатилъ къ Новгороду. Еще занѣсколько верстъ до сего города, завидѣлъ я его башни и церковныя главы съ колокольнями; какое-то пріятное чувство нетерпѣнія овладѣло мною, когда увидѣлъ себя столь близко отъ Патріарха городовъ Россійской Имперіи. Зритель скучной и продолжительной театральной пьесы вѣрно не столько радуется окончанію ея представленія, сколько радовался я при видѣ Новгорода. Еще съ первыхъ лѣтъ моей молодости, читая *Марѳу Посадницу* Карамзина, и въ послѣдствіи при начальныхъ занятіяхъ отечественною Исторіею, когда ознакомился заочно съ колыбелью Русскаго народа, какое-то невольное чувство уваженія къ родной старинѣ дѣлало Новгородъ для меня занимательнымъ. Если *и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ*, то какъ же быть равнодушнымъ

къ тому мѣсту, гдѣ были посажены сѣмена настоящаго величія Россіи.

Наконецъ я пріѣхалъ въ Новгородъ: проѣзжая улицы, вижу на вывѣскѣ одного каменнаго дома надпись: *Hôtel d' Italien*, приказываю ямщику остановиться, и содержатель гостинницы, весьма услужливый за деньги, немедленно отвелъ мнѣ комнату. Тамъ, усталый отъ дороги, я кинулся на жесткій диванъ, который въ ту минуту показался мнѣ мягче нѣжныхъ пуховиковъ, и черезъ два часа проснулся.

Вотъ я и въ Новгородѣ, въ отчизнѣ Вадима и Марѳы! Скоро промелькнули путевые предметы отъ Петербурга до сего города: не такъ ли же скоро проходитъ и жизнь наша? пришло мнѣ въ голову; не такъ ли же скоро переходимъ и мы отъ одной цѣли къ другой? съ нетерпѣніемъ стремимся къ будущему —и прошедшее остается подобнымъ сновидѣнію. Но какое обыкновенное сравненіе! жизнь и большая

дорога..... Это найдемъ мы едвали не во всѣхъ балладахъ, во всѣхъ сонетахъ, во всѣхъ элегіяхъ, во всѣхъ..... но гдѣ перечесть всѣ стихотворныя подраздѣленія!...

По долгу дружбы поставляю обязанностью посвящать тебѣ мои Новгородскіе досуги: предвижу заранѣе, что краткость свободнаго времени и вообще непродолжительное пребываніе, которыя буду имѣть въ древнѣйшемъ изъ городовъ Россіи, не дозволятъ мнѣ составить полнаго и подробнаго описанія всѣхъ его достопамятностей; но не премину доставить тебѣ, въ дружескихъ письмахъ, небрежные отчеты въ моей поѣздкѣ. Не ожидай найти въ нихъ живописныхъ разсказовъ: я не Поэтъ и не прозаикъ; буду набрасывать на бумагу то, что представится моимъ глазамъ и придетъ мнѣ на память. Увѣренный съ твоей стороны въ извиненіи недостатку моихъ описаній, спѣшу чинить

для нихъ перо въ скорости, припоминая себѣ дружеское правило: *что за счеты между друзьями!* Прощай, до будущаго письма!

Письмо II.

Софійскій Соборъ.

Новгородъ, 20 Мая, 1826.

Не извинительно Русскому пріѣхавши въ Новгородъ, не идти тотчасъ въ Софійскій Соборъ, а потому, по пріѣздѣ сюда, первымъ дѣломъ моимъ было посѣщеніе оный. Сей твердый памятникъ Христіанскаго усердія нашихъ предковъ, выстроенный на лѣвомъ берегу Волхова, есть первая Новогородская достопамятность. Въ продолженіе почти осьми столѣтій выдерживая всѣ бури временъ, и бывъ безмолвнымъ свидѣтелемъ силы, богатства и упадка Великаго Новгорода, храмъ сей пережилъ его славу, и для позднихъ поколѣ-

ній остался незыблемою скрижалью Новогородской Исторіи.

Софійскій Соборъ заложенъ въ 1045 г., во имя Св. Софіи—Премудрости Божіей, Новгородскимъ Княземъ Владиміромъ Ярославичемъ, внукомъ Св. Владиміра, озарившаго Россію свѣтомъ Христіанскаго ученія, и по приведеніи къ окончанію, освященъ въ 1051 г. Толстыя стѣны сего зданія, строенныя изъ плиты съ частію кирпича, поддерживаются пятью контръ-форсами. На верху возвышаются шесть главъ, изъ которыхъ въ одной хранятся церковныя ризницы и соборная библіотека, а остальныя пять составляютъ храмовые куполы, поддерживаемые десятью огромными, четвероугольными столбами. Средній, самый большой изъ куполовъ, съ изображеніемъ, внутри онаго, Спасителя, обитъ золоченою мѣдью, а всѣ остальные жестью. Разительная прочность,

съ какою выстроенъ Софійскій Соборъ, свидѣтельствуетъ, что наши предки, сооружая памятники своей приверженности къ святой Вѣрѣ, имѣли въ виду сохраненіе оныхъ до позднѣйшаго потомства.

Внутренность зданія тѣсна и темна: первое происходитъ отъ толстоты колоннъ, поддерживающихъ главы; второе, отъ малаго числа оконъ съ желѣзными рѣшетками и отъ мрачности стѣнъ, на которыя неумолимая рука времени и пламя пожаровъ положили свои печати.

Соборъ состоитъ изъ главнаго храма во имя Успенія Божіей Матери и четырехъ придѣльныхъ церквей. Въ двухъ папершяхъ: Корсунской и Маршировской возвышаются однообразныя надгробія Новогородскихъ Святителей. Алтарь ограждается четырехъ-ярусымъ Греческимъ иконостасомъ; образа онаго и Царскія двери обложены серебряными вызолоченными полосами,

а нѣкоторыя иконы украшены такими же ризами; семь мѣстныхъ иконъ нижняго яруса, примѣчательны своею величиною и древностью, и писаны Греческими художниками. Стѣны и столбы Собора украшены живописными изображеніями нѣкоторыхъ Св. Мужей и происшествій, взятыхъ изъ Священной Исторіи, а на сводахъ расписаны al-fresco картины изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, также нѣсколько Св. Угодниковъ Православной Греко-Россійской Церкви.

Время сохранило до насъ весьма не-много первоначальныхъ храмовыхъ украшеній Софійскаго Собора: безъ сомнѣнія, нашествія непріятелей, пожары и другія несчастныя обстоятельства истребили старину Новогородскую. Почти всѣ нынѣшнія церковныя украшенія принадлежатъ уже къ временамъ позднѣйшимъ: Царскія врата сдѣланы при Алексѣѣ Михайловичѣ; самое

большое изъ четырехъ мѣдныхъ паникадилъ, повѣшенныхъ предъ иконостасомъ, работано въ правленіе Годунова; Царское мѣсто устроено при Грозномъ; какъ это, такъ и Архіерейское, оба украшены деревянною рѣзьбою, съ позолотою, поблекшею отъ времени.

Западная часть церкви заключаетъ въ себѣ важную драгоцѣнность, которая была, есть и конечно всегда будетъ предметомъ безконечныхъ изслѣдованій между учеными знатоками древностей: это *Корсунскія врата*, отъ которыхъ и Корсунская паперть получила свое наименованіе. Оныя приставлены къ входу во храмъ съ западныхъ дверей, и состоятъ изъ двухъ деревянныхъ половинъ, — вышиною въ пять, шириною около двухъ аршинъ, — обитыхъ литыми бронзовыми досками толщиною около двухъ линій. Каждая половина составлена изъ двадца-

ти четырехъ частей неравной величины: верхнія части идутъ во всю ширину, а остальныя дѣлятся на-двое. Весьма замѣтно, что сіи металлическія накладки были вылиты не во всю величину дерева, а уже подобраны по частямъ и соединены послѣ; мѣста же соединенія и края дверей закрыты разнофигурными бронзовыми же рамами.

Изображенія, находящіяся на Корсунскихъ воротахъ, выпуклой, работы; нѣкоторыя изъ нихъ взяты изъ Библіи; другія представляютъ священно-служащелей Римско-Католической церкви, Нѣмецкихъ художниковъ и воиновъ; а иныя содержатъ фигуры вовсе неизвѣстныя. На нѣкоторыхъ поляхъ для поясненія изображеній вырѣзаны разныя Латинскія и Славянскія надписи; но по всему видно, что оныя не ровесницы самихъ дверей. Не могу понять, что за мысль была у художника, опливавшаго сіи воро-

та, картины Св. Писанія перемѣшать съ фигурами Нѣмецкихъ мастеровъ и другими неимѣющими смысла изображеніями.

Какъ оныя ворота попали въ Софійской Соборъ, когда и откуда: неизвѣстно. Это составляетъ камень преткновенія для самыхъ ученыхъ Антикваріевъ. Иные утверждаютъ, что описанный мною предметъ доставленъ въ Новгородъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Святославичемъ, по возвращеніи его въ Россію изъ Греческаго города Корсуни, когда онъ сбросилъ съ себя слѣпоту язычества, и что оный *Греческой работы*. Спрашиваю: *неужели наши лѣтописи*, описывая обстоятельно Владимірово возвращеніе въ новопрославленное отечество, не упомянули бы о привезенныхъ имъ воротахъ, которыя по тогдашнему малознанію Русскихъ въ изящныхъ художествахъ, вѣроятно бы показались

для нихъ *чудесною рѣдкостью?* Во-вторыхъ: съ какой стати Греческимъ художникамъ между изображеніями священныхъ предметовъ, включить какихъ-то масперовъ *Вайсмуна* и *Риквина* и Католическихъ священниковъ? Гораздо достовѣрнѣе, что оныя *Корсунскія ворота* работы не Греческой, а Нѣмецкой. Можетъ быть, во время союза Новогородцевъ съ богатою Ганзою, онѣ были привезены сюда, или въ бранях съ Нѣмцами взяты изъ какой-нибудь ихъ церкви, и въ числѣ трофеевъ доставлены въ Новгородъ. Толковые люди вздумали можетъ быть пояснить нѣкоторыя изображенія, имъ понятныя, и нарѣзали Русскія надписи. Самыя фигуры оплошныя на воротахъ, не могутъ почесться произведеніемъ Греческаго искусства: на нихъ слишкомъ не соблюдены соразмѣрности.

Что касается до наименованія оныхъ воротъ *Корсунскими*, то это загадка, которую не берусь разгадывать; причину онаго оставляю изслѣдовать людямъ опытнымъ въ разысканіяхъ памятниковъ отдаленной древности. Впрочемъ я не намѣренъ распространяться далѣе на счетъ сего предмета; если желаешь узнать объ оном подробнѣе, то можешь прочесть описаніе сдѣланное *Корсунскими воротами* извѣстнымъ *Г. Аделунгомъ* на Нѣмецкомъ языкѣ, и напечатанное въ Берлинѣ 1825 г. Тамъ ты найдешь и вѣрныя изображенія, принадлежащія къ онымъ. Жаль только, что сей драгоцѣнный памятникъ старины недостаточно предохраненъ отъ перемѣнъ воздушныхъ! Нѣкоторыя мѣста уже повреждены; безъ сомнѣнія, со временемъ повредятся и болѣе.

Въ Софійскомъ Соборѣ покоятся семь Святыхъ Угодниковъ. При южной стѣнѣ храма, поставлены подъ рѣшетчатыми окнами двѣ раки: въ одной почиваютъ мощи Новгородскаго Князя Св. Владиміра Ярославича, строителя Собора; въ другой его матери, Великой Княгини Анны. На сѣверной сторонѣ, въ серебряной ракѣ покоится Св. Благовѣрный Князь Ѳеодоръ Ярославичъ, преставившійся въ цвѣтѣ лѣтъ; день брака былъ для него днемъ кончины! Первоначально его мощи находились въ Юрьевской обители; но когда Делагардій, опустошая Новгородъ, не пощадилъ и монастырей, оныя перенесены въ Софійскій Соборъ. Влѣво отъ сей гробницы, въ небольшой придѣльной церкви положены Святые: Іоаннъ и братъ его Григорій, оба бывшіе Архіереи Великаго Новгорода. Послѣдній опочиваетъ подъ спудомъ. — Въ придѣлѣ Рождества

Пресвятой Богородицы набожные посѣтители считаютъ долгомъ поклониться двумъ Св. Угодникамъ Новгородскимъ: внуку Владиміра Мономаха — Князю Мстиславу Ростиславичу и Архіепископу Никитѣ. При входѣ въ Соборъ, близъ южныхъ дверей, во время службы всегда находится служитель изъ монашества, коего обязанность открывать гробницы Св. Угодниковъ для желающихъ поклониться имъ.

Въ Соборѣ, какъ я уже писалъ выше, погребены многіе Новгородскіе Святители. Я почелъ непремѣннымъ долгомъ поклониться праху краснорѣчиваго Ѳеофана — сотрудника Петра Великаго. Многіе изъ верховныхъ пастырей Новгородской Епархіи, погребенныхъ въ семъ Соборѣ, оставили по себѣ незабвенную память. Ревностный наблюдатель отечественнаго вѣрно отыщетъ надгробіе Іоакима, перваго Новогородскаго Епископа, при-

шедшаго съ Равноапостольнымъ Владиміромъ изъ Корсуни, и не пройдетъ безъ вниманія могилъ Архипастырей Іова, Димитрія Сѣченова, Гавріила и Амвросія. — Изъ Князей Новогородскихъ погребены въ Софійскомъ Соборѣ: Мстиславъ Роспиславичъ и сынъ его Василій Мстиславичъ: оба въ Мартирьевской паперти.

Я уже сказалъ, что одна изъ соборныхъ главъ заключаетъ въ себѣ церковныя драгоцѣнности; желѣзная рѣшетчатая дверь ведетъ въ оную по темной широкой лѣстницѣ, на случай посѣщенія освѣщаемой огнями. Взойдя на хоры, я увидѣлъ знамена: два Новгородскія и два Стрѣлецкія, — на одномъ изъ первыхъ находятся изображенія Св. Князей: Владиміра, Бориса, Глѣба и Александра Невскаго; на другомъ, сдѣланномъ при Іоаннѣ Алексѣевичѣ и Петрѣ Великомъ, Святые: Варлаамій Хутынскій и Антоній Ри-

мянинъ. По сторонамъ хоръ находятся два отдѣленія: въ одномъ помѣщены Архіерейская и соборная ризницы, въ другомъ Софійская библіотека. — Почитаю излишнимъ описывать тебѣ всѣ рѣдкости, мною здѣсь видѣнныя: это значило бы распространить мое письмо и безъ того уже длинное. Для удовлетворенія своему любопытству, можешь заглянуть въ *Отечественныя Записки 1821 года*. Любитель Русскихъ достопамятностей, П. П. Свиньинъ, въ статьѣ подъ названіемъ: *Нѣсколько дней въ Новѣгородѣ Великомъ*, сдѣлалъ обстоятельное описаніе Софійскаго Собора. Осмотря его драгоцѣности, при сходѣ внизъ я замѣтилъ отверзтіе, пробитое въ толстой стѣнѣ, куда во время Делагардіева нашествія соборное духовенство скрыло здѣшнія сокровища; вмѣсто же золотыхъ и серебряныхъ церковныхъ сосудовъ — употребляло мѣдные.

Подлѣ Софійскаго Собора, на юго-востокъ отъ онаго, ближе къ Волхову стоитъ каменная церковь во имя входа въ Іерусалимъ Спасителя, называемая *зимнимъ или теплымъ Соборомъ* и выстроенная Митрополитомъ Сѣченовымъ. Недалеко отъ сего храма у самой Кремлевской стѣны устроена отдѣльная колокольня. Оная состоитъ изъ высокой стѣны съ пятью сквозными сводами, на которыхъ повѣшены колокола, и поставлена около 1440 года. Мнѣ сказывали, что прежняя колокольня, строенная вмѣстѣ съ Софійскимъ Соборомъ, разрушилась въ половинѣ пятнадцатаго вѣка отъ жестокаго наводненія, затопившаго весь Новгородъ. Царь Иванъ Васильевичъ, во время своего здѣсь прибыванія, снявъ колокола, принадлежавшіе Софійской церкви, увезъ ихъ въ Москву за собою.

Звонъ Софійскихъ колоколовъ производитъ весьма громкій, необыкновенный гулъ; самый большой изъ нихъ вылитъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и вѣситъ болѣе 1600 пудовъ; самый древній отлитъ въ царствованіе Грознаго, и въ народѣ называется *казенный*. Въ народѣ сохраняется молва, будто Иванъ Васильевичъ въ своемъ гнѣвѣ на Новгородцевъ, обратилъ оный отчасти и на сей колоколъ, давъ повелѣніе *отрубить ему оба уха;* но это несправедливо: оный былъ отлитъ безъ ушей, которыя придѣланы къ нему уже послѣ, по свидѣтельству Высокопреосвященнаго Евгенія. Странно было бы пустой головѣ бездушнаго колокола, за вину Новгородцевъ, приплачиваться своими ушами!

Въ Новѣгородѣ бываютъ часто крестные ходы; прежде бывали оные еще чаще, но время все измѣняетъ. Въ старину особенно былъ

замѣчателенъ крестный ходъ къ Св. Пророку Иліи, во имя коего находились двѣ церкви: одна, выстроенная на Софійской сторонѣ, называлась церковью *Ильи Мокраго*, другая же — на Торговой, *Ильи Сухаго*; первая болѣе не существуетъ, а вторая уцѣлѣла до нашего времени. Если бывала засуха и народъ желалъ дождя, — то въ день Св. Иліи Пророка крестный ходъ совершался къ Иліи Мокрому; а за погодою сухою и ясною обращались къ Иліи Сухому. Нынѣ существуетъ только одинъ послѣдній.

Письмо IV.

Вече.

Новгородъ, 26 Мая 1826.

Послѣ дома Борецкой и дворца Ярослава, много въ прошломъ письмѣ описанныхъ, я пошелъ искать того мѣста, гдѣ висѣлъ нѣкогда *Вечевой колоколъ*, столь знамени-

тый въ Новгородскихъ лѣтописяхъ. „Вотъ Вечевая башня!“ сказалъ мнѣ одинъ изъ здѣшнихъ гостинодворскихъ купцевъ, который примѣтилъ, что все моё вниманіе было обращено на старинное каменное зданіе съ башнею, похожею на колокольню, и закоптелою отъ времени. Это строеніе стѣснено гостинымъ дворомъ и находится близъ церкви Св. Николая Дворищенскаго; слѣдовательно недалеко отъ того мѣста, гдѣ стоялъ домъ Ярослава, и теперь служитъ съѣзжимъ дворомъ Торговой части. Одна сторона его выдается на грязный, нечистый дворъ, а другая на небольшую площадку, занимаемую нѣсколькими рядами мелочныхъ торговокъ. Башня четвероугольной фигуры, и отзывается стариною; верхняя часть строенія содержитъ въ себѣ жилыя комнаты, а внизу помѣщены разнаго рода кладовыя и

лавки. Что бы подойти къ самому зданію, надобно прежде испросить на то дозволенія у своего обонянія. Какъ! — пришло мнѣ въ голову: тамъ, гдѣ шестрѣлись шумныя толпы народа, гдѣ рѣшалась иногда участь Великаго Новагорода, теперь взоры зрителя вспрѣчаются только съ молокомъ, сельдями и смолою! Но скоро ушѣшился, когда вспомнилъ, что и памятники древней Греціи и Рима часто служатъ вмѣсто конпильни для окороковъ.

Не смотря однако на увѣренія здѣшнихъ жителей, что увидѣнная мною башня есть башня того колокола, котораго языкъ причинялъ столько шуму въ стѣнахъ Новгородскихъ, я съ ними не одного мнѣнія. Правда, что строеніе старое, но не весьма старое, и принадлежитъ къ довольно-поздней архитектурѣ. — Если вѣрить преданіямъ, то Великій Князь Иванъ Васильевичъ, въ слѣдъ за увозомъ

въ Москву Вечеваго колокола, далъ повелѣніе разрушить и его башню; обстоятельство, неподтверждаемое свидѣтельствами современныхъ лѣтописей, но не менѣе того достойное вѣроятія. Я совершенно не согласенъ, что бы описанная мною башня была *древнею Вечевою.* По всѣмъ признакамъ должно думать, что она находилась, если не на этомъ самомъ мѣстѣ, то по-близости онаго; ибо, какъ повѣствуетъ самая Исторія, *славное Новогородское Вече* собиралось недалеко отъ дворца Ярославова. До сихъ поръ еще никто изъ трудолюбивѣйшихъ изыскателей древностей не могъ указать подлиннаго мѣста Вечевой башни, и потому оставаясь въ томъ мнѣніи, что оная была — если не на самомъ мѣстѣ нынѣшняго съѣзжаго двора Торговой стороны, то въ самомъ близкомъ отъ него разстояніи, обращаюсь къ самому *Вече.*

Названіе *вече* производятъ отъ слова *вѣщать*, и оное означаетъ народное собраніе для совѣта. Здѣсь рѣшались всѣ важныя, иногда и неважныя дѣла бывшаго Новагорода, и мнѣніе народа было непоколебимымъ приговоромъ. Сюда сбирались Князья, и сановники и весь народъ Новогородскій. —

На вечевыхъ собраніяхъ объявляли войну; заключали мирные и торговые договоры; выбирали и низлагали гражданскихъ и духовныхъ правителей; судили поступки Князей, Посадниковъ, Тысячскихъ и Сотскихъ; и каждый изъ народа, какъ дѣйствительный членъ Веча, былъ въ правѣ объявлять гласно свои мнѣнія касательно благосостоянія Новагорода.

Руская Правда, данная благодарнымъ Ярославомъ великодушнымъ Новогородцамъ, дала имъ поводъ въ своихъ произвольныхъ дѣйствіяхъ упираться на волю сего Великаго

Князя, и его преемники, уважая память достойнаго предка, часто дозволяли Новогородцамъ простирать слишкомъ далеко свою свободу.

Неизвѣстно, когда устроено вече. Первоначальныя народныя собранія отличались разсудительностью и безпристрастіемъ; но въ послѣдствіи, когда Новгородъ ознакомился съ Ганзою, вмѣстѣ съ ея товарами переходили сюда и Нѣмецкія страсти. Мало по-малу вечевыя совѣщанія становились безпорядочнѣе, и въ послѣдствіи почти всегда представляли картину хаоса. *Въ теченіе ста лѣтъ*, говоритъ Высокопреосвященный Евгеній, *болѣе тридцати Князей перемѣнилось у Новогородцевъ, и рѣдкой не съ безчестіемъ отъ нихъ былъ выгнанъ.*

По удареніи въ вечевой колоколъ, всѣ стекались на площадь, и народные крикуны объявляли громогласно причину созванія. Угрожала ли война Новгороду — и его жите-

ли собирались разсуждать, что̀ для нихъ выгоднѣе: миръ или ссора. Рѣшались ли на первый: всѣ спокойно расходились по домамъ своимъ; объявляли ли послѣднюю: все принимало свои мѣры, торговые люди превращались въ воиновъ, и крики: *Умремъ̀ за Святую Софію! Кто противъ̀ Бога и Великаго Новгорода!* раздавались по многолюднымъ Концамъ Новогородскимъ. Шумъ и дѣятельность торговли обращались въ военныя приготовленія; нетерпѣніе сразиться за родину—смѣшивалось съ печалью женъ и матерей: всякая изъ нихъ трепетала объ участи близкаго ея сердцу; невѣсты прощались съ нареченными женихами, и крупныя слезы красавицъ катились по нѣжнымъ личикамъ, какъ жемчугъ по гладкому бархату. Тогда пылкая любовь была въ модѣ: она не походила на пороховую вспышку, и сердце дѣвушки не загоралось отъ перваго

встрѣчнаго предмета. — Былъ ли народъ недоволенъ своими сановниками: ударяли въ вечевой колоколъ, и судъ гремѣлъ надъ обвиненными. Часто Посадникъ, вставая съ утренняго ложа, не думалъ, что черезъ нѣсколько часовъ его принудятъ покупаться въ Волховѣ, а иногда и спуститься на дно онаго. Виновнаго Новогородцы сбрасывали съ моста въ рѣку, и несчастный утопалъ, если какой-либо особенный случай не спасалъ его. Домы казненныхъ рѣдко оставались въ цѣлости; раздраженные жители кидались туда на разграбленіе. Иногда несчастная жертва суда народнаго была убиваема на мѣстѣ самаго собранія, и кровь страдальцевъ утишала волненіе.

Нерѣдко несогласія, происходившія на Вечѣ, бывали причинами ссоръ междоусобныхъ: Софійская сторона вооружалась на Торговую, и—для прекращенія драки, надлежа-

ло разводить мостъ, ихъ соединявшій; часто одинъ Конецъ города возставалъ на другой, улица вооружалась противъ улицы, и Новогородцы въ жару ссоры разкраивали другъ другу головы. Подобныя происшествія обыкновенно оканчивались тѣмъ, что нѣсколько буйныхъ головъ приплачивались жизнью за порывы необузданнаго своевольства. Одна только власть Первосвятителей удерживала стремленія народной ярости, и враги снова становились друзьями—до будущей драки.

Вечевыя собранія почти всегда совершали противное желаніямъ и требованіямъ Великихъ Князей. Долго Новогородцы испытывали ихъ терпѣніе; наконецъ, какъ говорится: нашла коса на камень, и мощная рука сильнаго Самодержца повернула колесо ихъ счастія. Иванъ Васильевичь III, раздраженный за сопротивленіе, оказанное Новгород-

цами его волѣ, и узнавъ ихъ желаніе отойдти отъ Россіи и передаться Польшѣ, не замедлилъ съ своимъ воинствомъ придти къ мятежнымъ Республиканцамъ: разбилъ собранныя ими дружины, — и полагая, что для общаго спокойствія гораздо выгоднѣе вечевому колоколу переселиться въ Москву, нежели висѣть надъ Волховомъ, отправилъ его въ свою столицу, и тѣмъ положилъ конецъ вечевымъ собраніямъ, а съ ними и Новогородской вольности.

Вечевой колоколъ сохранялся въ своемъ видѣ до 1714 года; въ сіе время его перелили въ новую форму. Впрочемъ не на одной только площади дворца Ярославова было описанное мною вече: подобныя ему бывали иногда и въ Софійскомъ Соборѣ, а во время походовъ собирались и въ войскѣ.—Вотъ все, что я умѣлъ передать тебѣ о знамени-

тыхъ вечевыхъ собраніяхъ въ Новѣгородѣ.

Чувствую, любезный другъ, всѣ недостатки моего описанія, но вспомни, что это только дружескіе разсказы человѣка, который не привыкъ владѣть перомъ Словесности, и не учился заслуживать улыбку одобренія отъ Аполлона, который, какъ говорятъ, не всегда ладитъ съ Марсомъ. Не Музы меня лелѣяли: я росъ и выросъ подъ громомъ барабана и при звукахъ воинской музыки; доставляю тебѣ удовольствіе — вмѣстѣ съ пороховымъ дымомъ единороговъ и пушекъ вашего лагеря, глотать содержаніе моихъ скучныхъ писемъ, и прошу тебя между прочимъ иногда вспоминать и обо мнѣ въ шуму веселой лагерьной жизни.

(*Продол. въ слѣд. кн.*)

НОВОГОРОДСКІЯ ПИСЬМА

(къ К. Н. Б.....у.)

(Продолженіе).

Письмо VIII.

О пребываніи тѣла Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны въ Новѣгородѣ.

Новгородъ, 10 Іюня 1826.

8 и 9 сего мѣсяца останутся незабвенными въ Новгородскихъ лѣтописяхъ. Третьяго дня около семи часовъ вечера наряженные отъ высшаго начальства военные и гражданскіе чиновники, купцы и ремесленники собрались къ Московской заставѣ, гдѣ многочисленное духовенство въ черномъ облаченіи уже стояло между двумя рядами зрителей; всѣ ждали ввоза тѣла почившей въ Бозѣ Императрицы Елисаветы Алексѣевны. Войска стояли по обѣимъ сторонамъ

улицъ до самаго Софійскаго Собора; на земляномъ валѣ, окружающемъ городъ помѣстили нѣсколько артиллерійскихъ орудій. Вечеръ былъ тихій и ясный, какъ душа усопшей Государыни. Все превратилось въ одно скорбное ожиданіе,—вдругъ, недалеко отъ заставы появилось яркое пламя пожара; поднялось выше и выше, и встревоженный народъ кинулся удерживать его стремленіе. Къ счастію, огонь не распространился далѣе, и все кончилось пепелищемъ одного дома. Успокоенные жители обратились снова къ прежнимъ своимъ мѣстамъ, и въ восемь часовъ показалась на большой дорогѣ печальная колесница.

Надобно знать тебѣ, что въ продолженіе семи недѣль благодатный дождь не орошалъ Новгородскую землю, которая, можно сказать, горѣла отъ засухи. Въ церквахъ съ колѣнопреклоненіями мо-

лили Царя Царствующихъ объ окропленіи изсохшихъ полей, но жаръ солнца не переставалъ палить ихъ. Едва только шѣло Императрицы перешло заставу, началъ накрапывать мелкій дождь и вдали послышались глухіе раскаты грома. Общее уныніе, поминутные выстрѣлы изъ орудій, печальная воинская музыка, унылый звонъ колоколовъ, тихое пѣніе безчисленнаго духовенства и по временамъ при совершеніяхъ лишія пронзяное: *вѣчная память*, живо представили мнѣ картину всеобщаго плача и сѣтованія, воспослѣдовавшихъ съ кончиною Анастасіи, первой супруги Грознаго.

Болѣе часу продолжалось печальное шествіе отъ заставы до Софійскаго Собора; обѣ стороны улицъ, по которымъ совершалось оное были усѣяны народомъ. Къ чести Новогородцевъ, я замѣтилъ, что

не пустая страсть любопытства, а внутренній голосъ участія въ общей потерѣ, собралъ ихъ въ многочисленные толпы. Около десяти часовъ гробъ былъ снятъ съ колесницы и внесенъ въ зимній Соборъ, гдѣ на сей случай вся внутренность была обита чернымъ. Со вкусомъ сдѣланный балдахинъ, поддерживался пирамидальными колоннами, на которыхъ сіяли вензловыя изображенія *Незабвенной*; по стѣнамъ были развѣшены гербы городовъ Новгородской Губерніи. Толпами стекались жители отдать послѣдній долгъ Царицѣ—туда, гдѣ за нѣсколько времени предъ симъ совершали послѣднее поклоненіе *Благословенному*. Въ продолженіе ночи и половины вчерашняго дня, теплый Соборъ былъ предметомъ всеобщаго посѣщенія. Усердіе Новгородцевъ было награждено: моленія ихъ исполнились, и почти

во все время пребыванія здѣсь покойной Государыни, проливной дождь, сопутствуемый сильною грозою не переставалъ орошать землю. Прекрасная проповѣдь была сказана предъ окончаніемъ божественной литургіи, надъ гробомъ Августѣйшей, Преосвященнымъ Моисеемъ, Епископомъ Спарорусскимъ, Викаріемъ Новгородскимъ. Послѣ обѣда площадь передъ Софійскимъ Соборомъ и Петербургская дорога покрылись войсками и народомъ. Въ четыре часа гробъ снова былъ поставленъ на колесницу, и шествіе началось прежнимъ порядкомъ. За Петербургскою заставою всѣ проститились съ тѣломъ Государыни,—гроза прошла, небо выяснилось, но печаль все еще лежала надъ сердцами Новогородцевъ.